

Сафронова Елена Викторовна,
профессор кафедры административного и
международного права Юридического института НИУ «БелГУ»,
д.ю.н., профессор;
Скибина Ольга Алексеевна,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
АНО ВПО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»
(Белгород, Россия)

УЧЕНИЕ М.А. РЕЙСНЕРА О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

М.А. Рейснер (1868-1928 гг.) – один из самых значимых и незаурядных представителей отечественной государственно-правовой мысли конца XIX-начала XX вв. Его идеи и разработки, выразившиеся в достаточно обширном научном наследии¹, легли в основу первой конституции РСФСР 1918 г., декрет об отделении церкви от государства и другие важнейшие нормативно-правовые акты советской власти. В современной отечественной государственно-правовой науке М.А. Рейснер известен как представитель социально-психологического направления, последователь идей Л.И. Петражицкого, разработчик идеологической государственно-правовой концепции². К сожалению, сегодня, несмотря на масштаб фигуры и значимость вклада в отечественную теорию государства и права, имя М.А. Рейснера незаслуженно забыто, а история его жизненно-творческого пути до сих пор не стала предметом отдельного исследования.

В данной статье мы хотели бы остановиться лишь на одном аспекте творческого наследия М.А. Рейснера – его теоретическим разработкам в сфере защиты прав и свобод человека. Ранние исследования М.А. Рейснера в обла-

---

¹ Рейснер М. А. Государство и верующая личность: сб. статей. СПб.: Тип.т-ва «Общественная польза», 1905. – 424 с.; Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб.: Тип.т-ва «Общественная Польза», 1908. – 239 с.; Рейснер М. А. Государство. М.: Тип.т-ва И. Д. Сытина, 1911. Ч. 1. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. – 221 с.; Рейснер М. А. Государство. М.: Тип.т-ва И. Д. Сытина, 1912. Ч. 2. Государство и общество. Ч. 3. Государственные формы. – 291 с.; Рейснер М. А. Государство. Изд-е 2-е. М.: Изд. Социалистической академии общественных наук, 1918. Ч. 1. Идеология и метод. – 222 с.; Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР. М.: Гос. трест «Петропечать», 1923. – 420 с.; Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л. - М.: Тип.рабоч. изд. «Прибой», 1925. – 276 с.; Рейснер М. А. Проблемы социальной психологии. Ростов-Дон: Буревестник, 1925. – 135 с.

² История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Изд. 2-е, стереотип. Под общ.ред. члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора В. С. Нерсисянца. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М, 1998. С. 647 - 648.; История политических и правовых учений. Учебник/ Под ред. доктора юридических наук, профессора О. Э. Лейста. – М.: Издательство «Зерцало», 2000. С. 610. История политических и правовых учений: учебник/ под общ.ред. О. В. Мартышина. – М.: Норма, 2008. С. 788-792.

сти права, главным образом, были сосредоточены на вопросе свободы вероисповедания и «нравственной личности» в действующем русском праве. Эти научные изыскания вылились в целый ряд статей: «Право свободного исповедания» (1899 г.), очерки «Мораль, право и религия по действующему русскому закону» (1900 г.), «Нравственная личность в правовом государстве» (1903 г.), «Свобода совести и закон 17 апреля 1905 г.» (1905 г.) и др., большая часть которых впоследствии вошла в сборник «Государство и верующая личность» (1905 г.).

В своих ранних правовых исследованиях ученый придерживался концепции естественного права. По утверждению М.А. Рейснера, свобода религиозного вероисповедания, право личной неприкосновенности, свобода передвижения, свобода слова, печати и собраний составляют «естественные права человека и гражданина» или его «права личной политической свободы»¹. Все они являются мерой юридической защиты естественной жизнедеятельности человека, гарантией его беспрепятственного духовно-нравственного развития.

Однако среди всех обозначенных мыслителем прав право свободы² религиозного исповедания занимает совершенно особое место, поскольку религиозная свобода, подчеркивал ученый, является не только естественным правом и свободой личности, но и «нравственным долгом» человека. «С тех пор, как Христос побудил к свободной вере, любви и свободному подвигу человеческую душу, – писал М.А. Рейснер, – не было ни у какого другого права более святого, более возвышенного нравственного основания, чем у права нравственной личности – избрать свободно свой высший закон благодати и истины и отдать на служение высшей правде всю свою жизнь, все свои силы»³.

Именно личная религиозная свобода, по мнению ученого, и составляет основу понятия свободной «нравственной личности». «Право свободы вероисповедания есть одно из прав «нравственной личности», и без этого права она существовать не может, а вместе с тем становится невозможной и вообще всякая нравственность в стране», – констатировал М.А. Рейснер⁴.

Свобода вероисповедания определялась мыслителем как «право каждого человека беспрепятственно и без какого-либо ущерба для себя проявлять

---

¹ Рейснер М.А. Право свободного исповедания // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 1.

² Ученый пользовался термином «право свободы», подразумевая под ним то, что в современной юриспруденции именуется «свободой», при этом не разграничивая эти категории в привычном нам смысле.

³ Рейснер М.А. Право свободного исповедания // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 1-2.

⁴ Рейснер М.А. Нравственная личность в правовом государстве // Вестник права. – 1903. XXXIII. – Кн. 5, 6 Май-июнь. – С. 45.

вообще внешним образом свои религиозные убеждения и, в частности, устанавливать соответственное этим взглядам домашнее богопочитание»¹. Оно тесным образом связано с понятием свободы совести, то есть свободы от «всякого принуждения к религиозным действиям, которые человек порицает по религиозным основаниям», свободы «без всякого ущерба жить лично по своим религиозным убеждениям»².

Проанализировав западноевропейское и русское законодательство, М.А. Рейснер пришел к заключению, что свобода вероисповедания включает:

1) право лица по достижению определенного законом возраста не быть принуждаемым к исповеданию какой-либо определенной веры, а также право исповедовать какую угодно веру, или полное отсутствие ее, без какого-либо ущерба, лишений или наказаний за вероотступничество;

2) право не быть принуждаемым со стороны государства, вопреки своим религиозным убеждениям, к совершению или участию в каких бы то ни было богослужбных и религиозных обрядах;

3) право лица беспрепятственно выходить из состава того или иного религиозного общества, переходить в члены другого, или даже не принадлежать ни к какому без какого-либо ущерба для себя или наказания;

4) право лица, принадлежащего к тому или другому исповеданию, беспрепятственно устраивать собрания своих домашних и единоверцев, с участием духовного лица, отправлять совместно богослужения по предписаниям своей религии в своем частном помещении (частные или домашние богослужения) и учреждать, с соблюдением закона, частные религиозные общества с правом публичного в них богослужения;

5) право лица пользования всеми гражданскими и политическими правами гражданина без каких-либо ограничений вне зависимости от религиозного исповедания, чем устраняется косвенное принуждение к вере (отмена привилегированного положения лиц одного вероисповедания относительно представителей другого);

6) право лица совершать все необходимые гражданские действия без обязательства совершать при этом какие-либо религиозные и церковные обряды и действия (право на получение гражданской легитимации, право на совершение гражданского брака, на неконфессиональные школы и т. д.);

---

¹ Рейснер М.А. Право свободного исповедания // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 11.

² Там же. – С. 5.

7) право лица на защиту государством его личности, чести и свободы против всякого посягательства на нее со стороны религиозных обществ или духовных властей¹.

Следует отметить, что понимание принципа свободы вероисповедания в современном светском и правовом государстве не изменилось за последние более чем сто лет; а сам принцип по-прежнему составляет идеологическую основу концепции правового, социально ориентированного государства. Полагаем, такая жизнеспособность концепции М.А. Рейснера свидетельствует о ее обоснованности и, в определенной степени, – истинности.

Вместе с тем, подчеркивал М.А. Рейснер, реализация свободы исповедания возможна только в культурно-правовом государстве, в котором «данное право гарантировано в определенных, установленных государством пределах». С формальной стороны они заключаются в том, что для пользования свободой совести нужно обладать соответствующим уровнем самосознания, то есть достичь требуемого законом возраста, гарантирующего нравственную и умственную зрелость лица.

С материальной стороны, то есть с точки зрения содержания государственно-законодательных требований, пределы права свободного вероисповедания, по Рейснеру, сводятся к следующим ограничениям: а) не допускается под предлогом требования совести освобождать себя вообще от повиновения государству и его законам; б) не допускается под тем же предлогом нарушать существующие права признанных государством корпораций и частных лиц; в) никому не позволено публичная проповедь атеизма и открытой безнравственности².

По поводу последнего ограничения следует заметить, что ученый считает обоснованным запрещение пропаганды атеизма, несмотря на свое утверждение о том, что человек вправе исповедовать даже полное отсутствие веры «без ущерба за вероотступничество». Подобное противоречие приводит к тому, что в представлении М.А. Рейснера свобода вероисповедания выступает как «свобода выбирать себе веру», а не как «свобода верить или не верить». Полагаем, что ученому, выросшему в условиях религиозного общества и только зарождающегося атеистического движения, сложно было «вырваться из контекста», хотя подобные частности не повлияли в целом на аргументированность и согласованность его концепции «нравственной личности».

Итак, свобода вероисповедания, по Рейснеру, отнюдь не предполагает безнаказанности и отсутствия каких-либо границ (препятствий) в ее реализа-

---

¹ Рейснер М.А. Право свободного исповедания // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 14-16.

² Рейснер М.А. Право свободного исповедания // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 12.

ции. Из названных выше ограничений свободы вероисповедания вытекает, что «никто под предлогом своих религиозных убеждений не может на основании права свободы совести отказаться от несения всяких общих государственных повинностей; никто не может совершать убийства, насилия, наносить своим ближним грубые оскорбления, ... приносить человеческие жертвы и т. п., т.е. другими словами, совершать то, что положительно запрещено общим правом»¹. То есть здесь проявляется известный принцип – «свобода одной личности заканчивается там, где начинается свобода другой».

Итак, естественные права и свободы человека, их признание и защита государством позволяют сформироваться ему как нравственно-духовной личности. Именно признание «естественной разумно-нравственной личности», по мысли ученого, и есть тот основной момент, который отличает государство правовое от полицейского. Только с таким признанием государство обретает статус правового.

Правовые нормы, поскольку они регулируют общественные отношения и свободную деятельность людей, порождают определенную социальную психологию. Она есть везде, где существует правовая свобода как юридический принцип, и по мере признания этой, по выражению М.А. Рейснера, «естественной» психологии возникают и естественные права и свободы граждан. То есть, с признанием «естественного» субъекта в области религиозных и нравственных общественных отношений устанавливается и правовая свобода, которая в понимании ученого «есть только внешняя форма внутреннего субстрата, то есть деятельности той или иной верующей или нравственной личности. Признание подобной естественной личности есть условие религиозной свободы и основание для установления естественных прав ее»².

Следовательно, в правовой конструкции М.А. Рейснера исходным моментом выступают не естественные гражданские права и свободы, а «естественный гражданин, естественный обыватель, естественный нравственный и верующий человек, как сознательная и организованная личность», и его правовое признание в нормах объективного положительного права³. Вследствие чего ученый указывает на невозможность априорного построения окончательной и законченной догмы «естественной религии», «естественной морали», «естественных прав» и т.д. И отсюда им делается вполне обоснованный вывод: совокупность естественных прав и свобод подлежит изменению по мере исторической эволюции «естественного человека».

---

¹ Рейснер М.А. Право свободного исповедания // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 12-13.

² Рейснер М.А. Нравственная личность в правовом государстве // Вестник права. – 1903. XXXIII. – Кн. 5, 6 Май-июнь. – С. 40.

³ Там же.

Так, «современное (Рейснеру – авт.) правовое государство несравненно более нравственно в своих спорных пунктах, нежели блаженной памяти средневековое „божеское царство“, или религиозно-полицейское... И основание этому отнюдь не в особенной способности нового времени к идеальным построениям или влечению к идеалам, – отмечал М.А. Рейснер, – а попросту в том, что современное государство, если желает действительно достичь своих целей, должно неизбежно прибегнуть к активному содействию народных масс, а организация этих масс без твердого нравственного цемента невозможна»¹.

Признание и обеспечение государством за личностью гражданских прав и свобод, соглашался М.А. Рейснер с Б.Н. Чичериным, есть политическая необходимость: «закон только через охранение права получает истинное свое значение. Закон, предписывающий повиновение, но не ограждающий подвластных от притеснений, является в их глазах произведением внешней силы, а не выражением высшего порядка. В нем исчезает именно то, что дает ему нравственное значение: с уважением к личности исчезает и понятие о справедливости. Закон уважается только тогда, когда он сам оказывает уважение тем, на кого он простирается. Отсюда рождается и привязанность к законному порядку; люди дорожат им, когда они видят в нем ограждение своих прав и своих жизненных интересов»². Впоследствии М.А. Рейснер разовьет это утверждение в концепцию классового права как идеологии класса, основанной на собственном понимании правды-справедливости.

Продолжая, отметим, что признание и уважение государством «разумно-нравственной личности» и ее свобод, по мнению ученого, является естественным, неизбежным условием здоровой государственной жизни и ее развития, это «требование живой и насущной государственной необходимости, средство для удовлетворения серьезного политического интереса нового государства», пришедшего на смену государству полицейскому³.

В отличие от правового государства, естественно-правовая конструкция в государстве полицейском рассматривалась им как иллюзия, так как задача последнего заключается не в обеспечении гражданских прав и свобод, а в том, чтобы сделать человека добродетельным гражданином и послушным подданным, свободным от всяческих предрассудков. Более того полицейское государство, считает Рейснер, «атеистично постольку, поскольку оно отрица-

---

¹ Рейснер М.А. Нравственная личность в правовом государстве // Вестник права. – 1903. XXXIII. – Кн. 5, 6 Май-июнь. – С. 41.

² Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. – 1902. XXXII. – № 9-10. Ноябрь-декабрь. – С. 101 - 102.

³ Рейснер М.А. Нравственная личность в правовом государстве // Вестник права. – 1903. XXXIII. – Кн. 5, 6 Май-июнь. – С. 43.

ет нравственную личность. А отрицает оно ее потому, что в ней для своих государственных целей отнюдь не нуждается»¹.

Юридическая конституция в таком государстве исходит не из свободной личности, а из шаблонного, отвлеченного понимания «естественного» человека, этот человек слаб и за него действует государство. «Естественный» человек в полицейском государстве «обладает только самым простым мыслительным аппаратом, он не способен к высшим соображениям относительного принципа «блага», и за него думает государство, которое и решает, что для него истинное благо и что нет, что ему полезно и что вредно, что способствует его материальному и нравственному преуспеянию»². Непрестанный надзор и всеобъемлющее государственное попечение возвращают в человеке рефлекторное, механическое подчинение воле полицейской власти, поэтому он не претендует на соответствующие гражданские права и свободы, ему гораздо предпочтительнее, чтобы за него думало государство.

Высота требований, предъявляемых к «естественному» человеку, для признания его гражданином, прямо пропорциональна ширине круга лиц, признаваемых гражданами и обратно пропорциональна ширине круга прав и свобод отдельного лица, отсюда и формула: «чем больше граждан, тем меньше прав, так как чем больше граждан, тем они хуже»³. Это явление наиболее ярко проступает в государстве полицейского типа. Но принципы патернализма и полицейского вмешательства не могут оставаться незыблемы, они оказываются несовместимы «с веком разума и духом христианства».

«Культура и цивилизация, – подчеркивал М.А. Рейснер, – только тогда могут получить нормальный ход и развитие, когда в их основе ляжет свободная нравственная личность и свободная церковь»⁴. Первой предпосылкой и причиной новой религиозно-нравственной политики, по мнению мыслителя, явилась необходимость в удовлетворении соответствующей потребности государства в активных, энергичных деятелях, «работающих действительно не за страх, а за совесть» в общегосударственных, национальных интересах.

А для того, чтобы государство могло широко опереться на народные массы, оно само должно быть нравственно, в этом и заключается его принципиальное отличие от государства полицейского. Правовое государство «пожелало опереться не только на силу свою и других общественных союзов, но и на нравственные силы индивида; оно пожелало само стать в известной сте-

---

¹ Там же.

² Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. – 1902. XXXII. – № 9-10. Ноябрь-декабрь. – С. 96.

³ Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. – 1902. XXXII. – № 9-10. Ноябрь-декабрь. – С. 94.

⁴ Рейснер М.А. Право свободного исповедания // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 4.

пени нравственным порядком, и оно не нашло для этого лучшего средства, как вызвать к жизни и деятельности нравственную личность своего гражданина и дать ей права свободы», – констатирует ученый¹. Только на «нравственном цементе» (который накрепко «спаивает» государство со своими подданными, повышает уровень их правосознания и ответственности), убеждал М.А. Рейснер, возможно строительство нового государства правового типа, которое подобно солнцу «светит своими лучами культуры и правовой свободы на всех своих граждан, которые взамен отдают ему и свое имущество, и свои силы, и наконец, свое величайшее сокровище – свою земную жизнь»².

Второй предпосылкой для признания «разумно-нравственной личности», ее прав и свобод, стало достижение государством определенного экономического уровня развития, и только при помощи нравственного порядка государство может создать «новый тип энергичного, сознательного и нравственного бойца за свое общественное благо, который без ущерба для себя и потрясения народного хозяйства мог свободно отдать стране громадные массы хозяйственных благ»³. Нравственно-организованная личность, в первую очередь, подчеркивает ученый, есть «один из постулатов интенсивной экономической жизни страны»⁴.

Таким образом, согласно философско-правовому учению М.А. Рейснера, правовое государство покоится, главным образом, на нравственном фундаменте, на понятии «разумно-нравственной личности». Говоря современным языком, это социально-активная личность с высоким уровнем правосознания, личность ответственная и предприимчивая, представляющая часть и основу развитого гражданского общества. И в этом смысле следует всецело согласиться с М.А. Рейснером, выводы которого актуальны и для современной политико-правовой науки и практики.

Возвращаясь к научному наследию М.А. Рейснера, отметим, что с его точки зрения самодержавная Россия по смыслу своего вероисповедного законодательства – государство неправовое. В своих статьях по данному вопросу ученый указывал на полное отсутствие в России паритета и равноправия между признанными в государстве исповеданиями.

---

¹ Рейснер М.А. Нравственная личность в правовом государстве // Вестник права. – 1903. XXXIII. – Кн. 5, 6 Май-июнь. – С. 48.

² Рейснер М.А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону (Юридико-догматические очерки). Очерк IV: Меры религиозной полиции предупреждения // Вестник права. – 1900. XXX. – № 10. Декабрь. – С. 37.

³ Рейснер М.А. Нравственная личность в правовом государстве // Вестник права. – 1903. XXXIII. – Кн. 5, 6 Май-июнь. – С. 44.

⁴ Там же.

Государственное положение религии построено не на свободе исповедания, подчеркивал М.А. Рейснер, а на терпимости, которая имеет мало общего с началами свободы совести, положенными в основу западноевропейского законодательства. Терпимость со стороны частного лица к верованию другого лица есть «своего рода исключение из общей системы религиозного гнета», она далека от таких понятий как свобода веры, свобода совести, свобода исповедания и т.д.¹

Ученый аргументировал свою позицию тем, что система российского религиозного законодательства содержит градацию вероисповеданий по их внутреннему достоинству, в силу которой только одно вероисповедание – православное – занимает высшее положение и пользуется полноправностью в вопросах веры в собственном смысле, а все остальные исповедания занимают второстепенное положение с ограниченными правами, постепенно уменьшающимися в соответствии с постепенным снижением их статуса в иерархии.

Как утверждал Рейснер, государство всячески стремится к ограничению любых «иноверных» религий, поддерживая лишь веру господствующей народности, веру национальную, по преимуществу, государственную. В том случае, если государство даровало каким-либо конфессиям привилегии, оно брало с них плату в виде потери автономии и свободы.

Конечная цель русского религиозно-политического законодательства, подчеркивал ученый, это единство народа в господствующей православной вере, для достижения которой российское государство использовало всевозможные средства воздействия, главным образом, чисто-полицейские меры надзора, принудительные, административные, репрессивные меры, то есть тот аппарат, который характерен для государства «полицейского» типа.

Оценивая российскую государственную веротерпимость, М.А. Рейснер писал: «Наша веротерпимость в своих основаниях, не современная (правовая западная – О.С.) ... и не христианская. Наше право не знает разделения государства и духовных обществ, ни свободы этих последних, ни свободы личной веры и совести; но также ему чуждо и начало quasi-христианской нетерпимости, того гнета во имя вероисповедного фанатизма, который лишает права на существование и на соответственное признание все исповедания, за исключением христианского или даже одного правоверного; но, с другой стороны, если наше право с покорением каждого нового народа вводит в состав русского государственного организма и новые исповедания, в качестве признанных терпимых религий, то оно это делает отнюдь не по мотивам нравственного свойства и не в силу своего культурного правосознания, а в силу чисто-

---

¹ Рейснер М.А. Право свободного исповедания // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 4.

политической необходимости: привязать к составу громадной империи новые нации и народы и захватить их национальные религии в рамки общего государственного управления»¹.

Религиозное законодательство дореволюционной России, подчеркивал М.А. Рейснер, есть патерналистское, опекунское. Оно не знает свободы личного исповедания, смешивает религию с национальностью, мораль и нравственность с правом, а церковную власть превращает в орудие светской политики. Здесь нет свободы веры, а религия извращается, превращаясь в пустой внешний обряд. «Религиозно-полицейская система, – писал Рейснер, – убивает всякое высшее нравственное основание веры, полиция берет здесь на себя ответственность за спасение обывательских душ, успокаивает их нравственные запросы указанием на свой будто бы христианский характер, подавляет всякое стремление к активной и нравственной жизни»².

Сохранение в российском Своде Законов соответствующих морально-попечительских и религиозных норм, отмечал ученый, можно оценивать как «пережиток старины» или как «мертвую букву закона», но данная оценка будет «совершенно не юридического, а чисто фактического характера», ведь это не может гарантировать того, что закон не будет применен на практике³. «Это ведь не нравственная заповедь, обращенная к доброй воле человека, которую он может исполнить или нет, по желанию, – писал М.А. Рейснер, – а веление права, подлежащее во всяком случае исполнению и в случае надобности влекущее за собой принуждение. Это не праздное пожелание законодателя, несмотря на теоретическое и моральное содержание закона, а закон, снабженный соответственной санкцией административного и судебного взыскания»⁴. Тем самым Рейснер признает законодательные нормы и авторитет положительного права.

Насилие над верой и совестью в России, считал М.А. Рейснер, сохранилось даже после известного Указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». «Этот указ, – отмечал Рейснер, – далеко не предоставляет каждому возможность верить в то, во что он хочет, или даже не верить ни во что. Закон 17 апреля есть по существу только норма, расширяю-

---

¹ Рейснер М.А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону (Юридико-догматические очерки). Очерк II: Веротерпимость и национальный принцип по действующему праву // Вестник права. – 1900. XXX. – № 4, 5. Апрель-май. – С. 6.

² Свобода совести и закон 17 апреля 1905 г. // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. – С. 411.

³ Рейснер М.А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону (Юридико-догматические очерки). Очерк I: Добронравие, порочность и основы морально-полицейского надзора // Вестник права. – 1900. XXX. – № 3. Март. – С. 8.

⁴ Рейснер М.А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону (Юридико-догматические очерки). Очерк I: Добронравие, порочность и основы морально-полицейского надзора // Вестник права. – 1900. XXX. – № 3. Март. – С. 8.

щая привилегии инославных и частью иноверных исповеданий ... Это – не акт веротерпимости или дарования свободы веры, а только перевод расколотых обществ из одного разряда в другой, с подчинением их ... бдительному административному надзору»¹.

Русская веротерпимость, подчеркивал М.А. Рейснер, далеко еще не является свободой веры в ее истинном правовом значении. В правовом государстве, руководствующемся в своем религиозном законодательстве началами свободной совести, не должно быть такого неравенства вероисповеданий, которое существует в России, отмечал ученый. И далее делал вывод, что при подлинном нравственно-правовом порядке у государства, признающего и закрепляющего естественные права и свободы личности, не может быть приоритетного вероисповедания: оно должно одинаковым и равным образом относиться ко всем конфессиям.

Кроме того, правовое государство не должно брать на себя роль судьи в вопросе о том, какая вера лучше, какая хуже, поскольку у каждого может быть своя вера. Рейснер особо подчеркивал, что только отдельная личность (либо союз личностей) может выступать судьей в религиозных вопросах, а никак не государство, которое должно самоустраниться от контроля религиозных взглядов своих подданных. Любое «вмешательство государства в деле положительного регулирования нравственности и веры, – считал ученый, – или бесплодно и только компрометирует власть, которая решается на такие бессильные и бесплодные попытки, или положительно вредно с точки зрения защиты и развития народной нравственности»².

Из изложенного М.А. Рейснер делает вывод, что любая нормативная регламентация нравственности, равно как и ее отрицание, приводит к тому, что право, «воспринимая чуждые ему элементы объективной и непогрешимой догмы, теряет одну из своих высоких нравственных сторон, изменяет одному из величайших своих принципов, а именно: равенству всех перед законом», так как неравный статус различных вероисповеданий и конфессий влечет за собой расслоение права, когда «совершенно равнозначные и тождественные акты религиозной и нравственной жизни людей судятся один по одной мерке, а другой – совершенно по другой»³. Подобные нормы не имеют под собой морально-нравственной основы, подчеркивал М.А. Рейснер, следовательно, тем самым право само лишает себя возможности содействовать нравственной жизни государства, поскольку подрывает ее основу.

---

¹ Свобода совести и закон 17 апреля 1905 г. // Государство и верующая личность: Сб. статей. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – С. 416-420.

² Рейснер М.А. Нравственная личность в правовом государстве // Вестник права. – 1903. XXXIII. – Кн. 5, 6. Май-июнь. – С. 46.

³ Там же. – С. 47.

В результате проведенных исследований М.А. Рейснер пришел к заключению, что государство, чтобы считаться истинно правовым, должно вообще отказаться от нормативного регулирования вопросов совести и веры, от любого (как прямого, так и косвенного) принуждения к определенному вероисповеданию. Оно, считал ученый, само должно быть «нравственной силой, которая притягивает к себе всех своих подданных, независимо от их религиозных верований и убеждений; оно само есть свой высший духовно-нравственный принцип, и его верховная власть не может и не должна допускать никаких посторонних начал между собою и своими подданными – не за страх, а за совесть; она не может и не должна смешивать своих принципов с какими бы то ни было посторонними началами и принципами, чтобы остаться незыблемой и неприкосновенной среди всех религиозных и социальных бурь»¹.

Таким образом, ранние рассуждения М.А. Рейснера относительно свободы вероисповедания и государственно-конфессиональных отношений, основываются на теории естественного правопонимания. Однако, следует отметить, его подход к данной проблематике отличается определенным своеобразием.

Исходным моментом в его концепции взаимодействия «нравственной личности» и государства выступают не естественные гражданские права и свободы (закрепляемые и защищаемые последним), а непосредственно «естественный гражданин», обыватель, нравственный и верующий человек как сознательная и организованная личность».

Отсюда следовал вполне обоснованный вывод о том, что с исторической эволюцией «естественного человека» пересмотру подлежит и система естественных прав и свобод личности, что, в свою очередь, обуславливает невозможность построения окончательной и законченной догмы «естественного права».

Проводя параллели с современностью, можно отметить, что в большинстве конституций различных государств признаются, закрепляются и гарантируются права и свободы личности в отрыве от их носителя. Личность по-прежнему, как и во времена Рейснера, для государства только некий абстрактный уравненный «гражданин», который игнорируется в своей индивидуальности. Возможно, поэтому сейчас в ходе формирования правового государства и гражданского общества в России мы сталкиваемся с трудностями в организации взаимодействия личности, общества и государства?

---

¹ Рейснер М.А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону (Юридико-догматические очерки). Очерк IV: Меры религиозной полиции предупреждения // Вестник права. – 1900. XXX. – № 10. Декабрь. – С. 37.

Второй посылкой данной концепции выступал тезис, согласно которому правовое государство (современное, цивилизованное в противовес полицейскому), обладая все возрастающей потребностью в активных гражданах, работающих в общегосударственных интересах не «за страх, а за совесть», непосредственно заинтересовано в изменении государственной политики в отношении личности. Такое государство должно рассматривать личность не как шаблон законопослушного гражданина, опираясь во взаимоотношениях с ним только на закон и принуждение, а как самостоятельного индивида, выступающего опорой для самой власти (наряду с общественными группами и с обществом в целом)¹.

Итак, с опорой на свободную, нравственную личность, обладающую совокупностью признаваемых властью и законом свобод, государство впервые получает возможность изменить свою сущность, стать подлинно правовым.

С признанием со стороны государства «естественного» субъекта, «естественной» «разумно-нравственной личности» воцаряется и естественная правовая свобода граждан. Свободная вера, свободная мысль и полная свобода морального самоопределения личности, по М.А. Рейснеру, есть «краеугольный камень» системы правового государства и основа любого положительного общественного развития.

Сизова Ирина Юрьевна,

заведующая кафедрой мировой экономики и статистики,
Приокского государственного университета,
д.э.н., профессор;

Сизов Виталий Евгеньевич,

профессор кафедры теории и истории государства и права
Приокского государственного университета,
д.ю.н., профессор, член-корр. РАЕН
(Орел, Россия)

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Время, в которое мы живем, сопровождается накоплением нерешенных экологических проблем, катастрофическим состоянием окружающей природной среды, реальной угрозой основам жизнедеятельности населения, подрывом экономического развития. Нельзя забывать и о том, что именно природное богатство составляет сегодня не только основной капитал России, но и

---

¹ Говоря современным языком, М.А. Рейснер ратовал за сотрудничество власти (государства), структур гражданского общества и каждой конкретной «нравственной личности». И в таком смысле его идеи не только весьма современны, но и определяют развитие конструкции правового государства на десятилетия вперед.